
ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

*П.В. Агапов**

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
ПЕТРЯНИНА АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА НА ТЕМУ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ»,**

**ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Настоящий отзыв был представлен на защите диссертации А.В. Петрянина, состоявшейся 7 октября 2015 г. на диссертационном совете Д 203.009.01 на базе ФГКОУ ВПО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, противодействие преступности, уголовная политика.

Диссертация Петрянина Алексея Владимировича посвящена комплексному исследованию концептуальных основ противодействия преступлениям экстремистской направленности и представляет собой самостоятельно выполненную научно-квалификационную работу, результаты которой обладают свойствами научной новизны и теоретико-прикладной значимости.

Актуальность диссертационной работы, посвященной столь острой для современной российской действительности теме, сложно переоценить. Экстремизм остается одним из источников угроз национальной безопасности Российской Федерации, а совершение преступлений, порожденных нетерпимостью к тем или иным социальным или этническим группам, вызывает раскол в обществе, провоцирует межэтническую напряженность, религиозную нетерпимость, порождает в стране самый широкий спектр противоправных действий. Это объясняет, почему такие преступления требуют неза-

* © Агапов П.В., 2015

Агапов Павел Валерьевич (kafedrap212@mail.ru), отдел проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму, Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 123022, Российская Федерация, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.

медлительной и решительной реакции со стороны как законодателя, так и государственных органов, реализующих соответствующее направление уголовной политики.

Статистические показатели демонстрируют рост числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности: в первом полугодии 2015 г. оно на треть превысило аналогичные показатели прошлого года. Всего в январе–июне зарегистрировано 741 преступление экстремистской направленности. Такого рода тенденции связаны с активизацией правоохранительных органов в борьбе с проявлениями экстремизма в Интернете, а также возбуждением уголовных дел в отношении лиц, принимавших участие в вооруженных конфликтах за рубежом, в том числе в Сирии, Ираке и на Украине.

Вместе с тем вызывает озабоченность незначительное число оправдательных приговоров (в процентном соотношении – сотые и тысячные доли процента). При этом, по данным Верховного Суда Российской Федерации, оправдательные приговоры в среднем по другим уголовным преступлениям выносятся в отношении 5 % подсудимых. Причины этого факта известны – широкое толкование норм «экстремистских» статей УК РФ, а также многозначность определений и формулировок экстремистской деятельности, определенных в Федеральном законе от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Также известны примеры, когда указанные недостатки законодательства приводили к возбуждению уголовных дел по весьма сомнительным основаниям. Достаточно вспомнить уголовное преследование блогеров, гражданских активистов, участников «маршей несогласных», других представителей оппозиционных сил.

Все вышесказанное, как правильно отмечает А.В. Петрянин, предопределяет необходимость научного осмысления феномена экстремизма и выработки концептуальных основ предупреждения преступлений экстремистской направленности с точки зрения достижений современной уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной доктрины в целях формирования эффективных мер противодействия, адекватных их общественной опасности, а также разработки действенного механизма подрыва экономических основ экстремистских организаций (с. 6–7). Действительно, активная деструктивная деятельность отдельных радикальных общественных и религиозных объединений, некоммерческих организаций, финансируемых из иностранных источников, неформальных групп и отдельных лиц, а также проповедуемая ими экстремистская идеология угрожают общественному порядку в стране, межнациональному и межконфессиональному согласию, государственному строю, спокойствию и безопасности граждан. Это объясняет, почему противодействие экстремистской деятельности на протяжении последнего десятилетия рассматривается Российским государством как приоритетное направление правоохранительной деятельности.

В числе юридических средств в сфере противодействия экстремистской деятельности особая роль принадлежит уголовно-правовому регулированию. Вместе с тем уголовно-правовое воздействие должно применяться как крайняя мера, а именно: когда другие правовые средства не способны обеспечить охрану интересов государства, общества и личности. Поиск баланса между уголовно-правовым запретом и иными видами ответственности – на сегодняшний день наиболее актуальная проблема.

Безусловно, диссертация А.В. Петрянина родилась не на пустом месте. На тему противодействия экстремизму защищен целый ряд диссертаций (в том числе и докторских), подготовлены иные серьезные научные работы (пособия, монографии и т. п.). Однако это вовсе не означает, что потребности в научном и методическом обеспечении антиэкстремистской деятельности государственных органов больше не существует. Законодательство в этой сфере общественных отношений наиболее динамично, нередко – противоречиво, а неправильное применение уголовного закона,

излишне репрессивный уклон крайне болезненно воспринимаются общественным сознанием, критикуются правозащитниками не только в нашей стране, но и за рубежом. Перечисленные обстоятельства позволяют считать обращение автора диссертации к заявленной теме весьма своевременным и актуальным.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определены авторским подходом к организации исследования, его методологическими принципами и качеством источников первичной научной информации.

Работа представляет собой логически последовательное и завершенное, композиционно целостное исследование, которое органично сочетает в себе статистический анализ преступлений экстремистской направленности в период с 2002 по 2014 гг., исследование материалов свыше 300 уголовных дел, интервьюирование значительного числа сотрудников правоохранительных органов по вопросам применения уголовного законодательства, осужденных за совершение названных преступлений, а также опроса граждан по проблемам, связанным с противодействием преступлениям экстремистской направленности в ряде регионов Российской Федерации.

Использование всей совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания исследуемой разновидности отклоняющегося поведения, положенное в основу диссертации, позволило рассмотреть в комплексе проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности: начиная с вопросов их криминализации и систематизации и заканчивая выработкой основных направлений их предупреждения.

Репрезентативность эмпирического материала, соблюдение методологических принципов и методических требований к проведению социально-правовых исследований, внутренняя непротиворечивость представленных в диссертации суждений, соответствие теоретических выводов эмпирическим данным документального и социологического анализа свидетельствуют о достоверности и обоснованности сформулированных А.В. Петряниным положений, выводов и рекомендаций. Авторские суждения базируются на доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, а полученные результаты согласуются с иными независимыми источниками по теме диссертации.

Научная новизна диссертации определена как самим фактом обращения соискателя к разработке концептуальных основ противодействия преступлениям экстремистской направленности, так и полученными при этом научными результатами.

Новыми, существенно уточняющими и развивающими известные доктринальные положения и однозначно заслуживающими внимания и обсуждения следует признать результаты исследования А.В. Петрянина, которыми:

- обозначены основные тенденции уголовной политики Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму;
- аргументирована необходимость унификации норм уголовного законодательства об ответственности за экстремистские преступления в целях повышения эффективности противодействия этому явлению;
- обоснована позиция по вопросу криминализации новых составов преступлений экстремистской направленности;
- предложены механизмы, способные повысить качество уголовного законодательства в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности;
- разработаны криминологические основы предупреждения преступлений экстремистской направленности.

Значительное внимание в диссертации уделено поиску в направлении наиболее точного определения экстремизма – базовой категории, выступающей своеобразным фундаментом для предложенной автором концепции. Методологически верным пред-

ставляется подход, согласно которому экстремизм необходимо рассматривать на основе объединения знаний не только юридических наук, но и таких гуманитарных наук, как философия, социология, политология, психология (с. 117). Такого рода методологическая установка ориентирует на всестороннее рассмотрение объекта исследования с междисциплинарных позиций, что позволяет получить более целостное (интегративное) представление об изучаемом объекте, путях и способах воздействия на него.

Вполне понятна озабоченность автора тем фактом, что большинство из международно-правовых документов, подготовленных под эгидой ООН, во многом декларативны и не содержат не только перечня экстремистских деяний (за исключением терроризма), а также дефиниций экстремизма и его признаков, но и сколько-нибудь эффективных механизмов взаимодействия по вопросам противодействия экстремизму между странами. Большинство из этих документов придает экстремизму исключительно религиозно-расовый оттенок, при этом игнорируя политические мотивы. В связи с этим следует поддержать А.В. Петрянина в его убеждении, что повышению эффективности противодействия экстремизму и его наиболее радикальному проявлению — терроризму и, соответственно, зарождению новой законодательной концепции в рассматриваемой области должна служить разработка соответствующего понятийного аппарата на самом высоком уровне — международном (с. 59). Очевидно, что первые шаги в этом направлении уже сделаны, подтверждением чему является дефиниция «экстремизм», закрепленная в соответствии с целями и принципами Устава ООН в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой акцент делается именно на «политической составляющей» современного экстремизма.

Следует согласиться с мнением автора о необходимости унификации российского уголовного законодательства, в том числе и при использовании идентичных дефиниций (с. 244). Элементами такой унификации как разновидности систематизации норм признается их сокращение посредством обеспечения их определенного тождества, основанного на особенностях объекта посягательства и мотивации преступного поведения в целях приведения их к единообразию и повышения эффективности применения (с. 285).

Итогом рассуждений диссертанта стал закономерный вывод о том, что термин «сообщество», как в рамках ч. 4 ст. 35, так и ст. 282¹ УК РФ, должен иметь единый смысл. Обоснованным представляется и тезис о том, из ч. 4 ст. 35 УК РФ необходимо исключить указание на категории деяний, поскольку определять качество криминальной деятельности преступного сообщества (преступной организации) через призму тяжести совершаемых преступлений некорректно.

Одним из дискуссионных моментов в науке уголовного права является вопрос о том, к кому могут быть применены поощрительные примечания к статьям УК РФ об ответственности за организованную преступную деятельность. На мой взгляд, А.В. Петрянин правильно решает данную проблему применительно к предмету своего исследования, подчеркивая, что примечания к ст. 282¹ и ст. 282² УК РФ могут быть применены только за *участие* в экстремистском сообществе или экстремистской организации и не распространяются на лиц, совершивших деяния, предусмотренные другими частями названных статей. Данный вывод можно сделать с учетом различия степени общественной опасности соответствующих преступлений.

В актив автору можно занести и попытку дополнить рядом важных положений, разъясняющих (конкретизирующих) содержание признаков преступлений экстремистской направленности. Специалистами не раз отмечался тот факт, что Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» предпочел обойти стороной наиболее сложные, многозначные понятия УК РФ. В связи с этим

крайне необходимой с политической и правоприменительной позиций представляет дальнейшая работа по официальному (в первую очередь судебному) толкованию признаков соответствующих преступлений в целях точного и единообразного применения антиэкстремистских норм.

Содержательной в познавательном смысле представляется часть диссертационной работы о криминологической характеристике личности преступника и жертв преступлений экстремистской направленности. Делается правильный вывод о том, что изучение экстремистов возможно только через мотивационно-ролевую типологию (экстремист-лидер (идеолог), экстремист-исполнитель, экстремист-мститель, экстремист-альтруист) (с. 334). Помимо вышеназванных выделяются и подвиды, обозначенные исходя из мотива преступного поведения (религиозный, идеологический, политический, расовый, национальный) (с. 337). Полученные результаты подтвердили преобладание национально-религиозных причин, способствующих процессу активной виктимизации личности в рамках совершаемых преступлений экстремистской направленности, что косвенно доказывает наличие повышенной национально-религиозной напряженности в современной России (с. 344).

Совокупность отмеченных положений и выводов, обладающих необходимыми признаками научной новизны, образует целостную теоретическую концепцию противодействия преступлениям экстремистской направленности, которая учитывает современные российские особенности и тенденции данного сегмента преступности и закладывает основы для оптимизации российского законодательства и совершенствования правоприменительной практики.

Положительно оценивая проведенное А.В. Петряниным исследование и в целом разделяя его концепцию, отметим, что отдельные положения работы вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии.

1. Спорными представляются некоторые элементы предложенной автором классификации преступлений экстремистской направленности. Так, к преступлениям, причиняющим вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России, автор относит заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), которое трудно отнести к преступлениям экстремистской (как, впрочем, и террористической) направленности, а также массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ), далеко не всегда совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Не могу согласиться и с выводами о том, что создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), является посягательством на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации. Обоснование данной позиции находит свое отражение в тезисе о том, «что охрана конституционного строя выходит за рамки главы 29 УК РФ “Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства”» (с. 213). Однако это не соответствует не только местонахождению указанной уголовно-правовой нормы, но и практике ее применения. По моему мнению, относя конкретное преступление к категории «экстремистских», необходимо исходить из того, что соответствующие мотивы должны выступать как минимум наиболее типичными для данной разновидности общественно опасного поведения. Такой вывод можно сделать, исходя из философского понимания категории (от греч. *katēgoria* — «высказывание», «обвинение», «признак»), фундаментального понятия, отражающего наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания.

2. Возникает сомнение в универсальности сформулированного автором определения экстремизма как «состояния противоправной политической борьбы, направленной

ной на подрыв общественной безопасности, конституционного строя, мира и безопасности человечества, основанной на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах» (с. 167). Действительно, экстремизм нередко выступает своеобразной нелегитимной формой политической борьбы. Вместе с тем в практике встречаются и, так сказать, аполитичные экстремисты. Возьмем хотя бы молодежное неформальное движение «скинхедов». В России оно представлено разрозненными группировками, каждая из которых существует автономно, без единого координирующего центра и лидера. Деятельность неонацистов носит, как правило, подпольный характер. Соответственно, никаких политических целей они не преследуют: им чужда партийная дисциплина, и они скептически относятся к достижению результатов парламентским путем. Поэтому при определении экстремизма, на мой взгляд, необходимо делать акцент на запрещенных законом *разжигании* социальной, расовой, национальной и религиозной розни, *пропаганде или агитации*, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, отрицающих идеологическое и политическое многообразие; *создании и деятельности* общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, а также *актах насилия*, направленных против равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Справедливости ради далее А.В. Петрянин уточняет свою позицию, конкретизируя, что политическая мотивация лишь *доминирует* при совершении преступлений экстремистской направленности, что предопределяет ее особую значимость в качестве причин рассматриваемой группы преступлений (с. 259).

3. Недостаточно криминологически обоснованным представляется предложение ввести в ряд составов преступлений экономической направленности такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (с. 165).

Как известно, уголовно-правовая теория по вопросу криминологической обоснованности законодательной регламентации квалифицирующих признаков устанавливает определенные требования. Так, обстоятельство, претендующее на признание в законе в качестве квалифицирующего признака, должно существенно влиять на степень общественной опасности деяния. Кроме того, такое обстоятельство должно быть относительно распространенным (т. е. не должно носить единичного характера); хотя, конечно, оно не может сопровождать большинство преступлений определенного вида.

Можно ли сказать, например, что мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является достаточно распространенным для изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, учитывая преимущественно корыстную мотивацию фальшивомонетчиков? Думаю, что нет. Влияет ли данный мотив на увеличение степени общественной опасности содеянного с учетом того, что преступление, предусмотренное ст. 186 УК РФ, уже является тяжким, а по квалифицированному и особо квалифицированному составу — особо тяжким? Вряд ли. Полагаю, что возможности совершенствования криминологически обоснованной системы квалифицирующих признаков законодателем, безусловно, не исчерпаны. Но это не относится к предложению о введении «экстремистского» мотива в некоторые составы преступлений экономической направленности.

4. Заслуживает критики и безапелляционный вывод соискателя о том, что экстремистское сообщество является самостоятельной разновидностью преступного сообщества, что, по его мнению, подтверждается судебной практикой (с. 247). Подавляющее большинство изученных мной уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 282¹ УК РФ, свидетельствует об обратном: чаще всего экстремистские сообщества представляют собой именно организованные группы, не структурированные и не преследующие целей получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

5. В определенной степени противоречащими друг другу представляются авторский подход об унификации норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности, за счет их систематизации и сокращения и сформулированные соискателем предложения *de lege ferenda*. К последним можно отнести в первую очередь, выводы о необходимости включить в УК РФ ст. 278¹ УК РФ «Антиконституционный террористический акт» (в главу 29 УК РФ) и ст. 360¹ УК РФ «Международный террористический акт» (в главу 34 УК РФ). Сразу хочется пожалеть практических работников, которые должны будут искать разницу между террористическим актом, антиконституционным террористическим актом и международным террористическим актом, с учетом того, что цели, преследуемые террористами, крайне редко находят свое внешнее выражение и, как правило, однозначно не определены. Нельзя также не учитывать, что в действующем УК РФ уже имеется ряд конкурирующих норм, причем определить их приоритетность на практике бывает далеко не просто (в частности, ст. 205, 295, 317 УК РФ).

6. Диссертация не свободна от ошибок, которые можно отнести к числу «технических». Так, Федеральным законом от 24.07.2007 № 211-ФЗ была изложена новая редакция диспозиция не статьи 282² УК РФ и примечания к ней, как утверждает автор (с. 51), а статьи 282¹ УК РФ.

Определенные претензии есть и к используемому автором научному аппарату. Юридически неграмотными являются, например, такие обороты, как «преступление, устанавливающее ответственность за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (с. 164); «необходимость введения в ряд преступлений экономической направленности, наиболее подверженных посягательствам со стороны экстремистских организаций» (с. 165) и др.

Отмеченные дискуссионные положения работы не снижают ее качества. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация А.В. Петрянина написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

2. Диссертация А.В. Петрянина представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение научной проблемы, имеющей важное политическое и культурное значение. Диссертация соответствует критериям, установленным ч. 1 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

3. Автор диссертации — Алексей Владимирович Петрянин — заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

Отзыв официального оппонента о диссертации Петрянина Алексея Владимировича на тему «Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование» 165

*P.V. Agapov**

**REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ON THE THESIS
OF PETRYANIN ALEXEI VLADIMIROVICH ON THE SUBJECT «CONCEPTUAL
FRAMEWORK FOR COMBATING EXTREMIST CRIMES:
THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH»,**

**PRESENTED FOR THE DEGREE OF DOCTOR OF LAW BY SPECIALTY 12.00.08 – CRIMINAL LAW AND
CRIMINOLOGY; CRIMINAL EXECUTIVE LAW (JURIDICAL SCIENCE)**

This review was presented at the thesis defense by A.V. Petryanin held on October 7, 2015 in the Dissertation Council D 203.009.01 on the base of FSPEE HT «Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Key words: extremist crimes, combating crime, criminal policy.

* *Agapov Pavel Valerievich* (kafedraup212@mail.ru), Department of Problems of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Sphere of Federal Security, Inter-ethnic Relations and Combating Extremism, Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 15, 2nd Zvenigorod Street, Moscow, 123022, Russian Federation.